

Боюсь не смерти я. О нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Хочу, чтоб труд мой вдохновенный
Когда-нибудь увидел свет...

М.Ю. Лермонтов

Весной 1898 г. бывалый извозчик, не мешкая, доставит с Варшавского вокзала в доходный дом Оппенгейма (Лиговский проспект 27) нового жильца. Уроженец саксонской Швейцарии, 28летний музыкант Оскар Бёме прибывает в Петербург с амбициозными намерениями – сделать соразмерную его таланту карьеру в блестящем театральном мире российской столицы. Она стала Меккой для европейских духовиков в пору взросления и воцарения Александра Ш. Как никто из Романовых он чтит музыку и отменно музицировал сам. Спутником цесаревича, а потом императора-миротворца стал корнет-а-пистон. Какое совпадение! Именно этот удивительный инструмент сопровождает в Петербург нашего героя, в руке с ним музыкант пройдёт по жизни в её счастливую и

Лиговский проспект, дом 27. Из архива Л.Попковой

горькую пору. Корнетист, трубач, педагог, дирижёр, композитор – в этих амплуа он составит себе имя в ожидании вакансии в прославленном Мариинском театре. Отсюда он войдёт в культурную жизнь Петербурга, здесь обретёт добрых друзей и коллег, встретит свою большую любовь, несмотря на парадоксальную разницу в годах с избранницей – 43-летней купеческой вдовой Александрой Яковлевой. 10 лет, проведённые Бёме на Лиговке, – пора надежд и свершений, отразившаяся в многочисленных и очень поэтичных сочинениях.

Музыкальный талант и любовь к корнету О. Бёме унаследовал от отца - военного трубача из городка Почаппель неподалёку от Дрездена. Трое из четырёх сыновей избрали музыкальное поприще, став даровитыми трубачами. В 15 лет Оскар уже концертировал, собирая лестные отзывы критиков. Его мастерство нуждалось лишь в минимальной «огранке» – хватило частных уроков у именитых профессоров в Гамбурге, Берлине, Лейпциге и совершенствования познаний в композиции и теории музыки в консерватории Будапешта.

Корнет

Конкуренция среди исполнителей на медных духовых инструментах в Германии была невероятная. Старший брат Вилли с успехом закрепился в Будапеште, став солистом оперы и профессором консерватории. Концертируя по Европе и прислушиваясь к авторитетным советам, Бёме делает выбор в пользу России. Тем более, что Петербург благоволил к немецким музыкантам, занимающим ведущие позиции в императорских оркестрах и консерватории.

Профессиональное мастерство, надёжный семейный тыл, поддержка влиятельной немецкой диаспоры, полученное российское гражданство – Бёме стратегически выверенно подготавливает и в 1902 г. блестяще осуществляет штурм оркестровой цитадели на Театральной площади. Ещё три года уйдёт на укрепление позиции в балетном оркестре Мариинского театра, и к 35 годам Бёме достигнет поставленной цели - удостоится звания императорского солиста.

Императорский солист
Оскар Бёме 1909 г..
Фото предоставлено К.Неефом

Интенсивность петербургской музыкальной жизни в эти годы невероятна - оперы, балеты, концерты следуют почти без перерыва. Концертный бум стимулирует сочинительство Бёме, его музыка радует исполнителей и публику.

Упоительный Петербург «серебряного века» вместил в себя взлёты научной мысли, невероятное литературное многообразие, философские академии, богемные и рафинированные эксперименты в живописи и театре. Все европейские новации без промедления апробировались на берегах Невы. Ведущие европейские писатели, композиторы стремились отметить петербургскими премьерами. Немецкое искусство было представлено вагнеровскими космогониями, концептуальным симфонизмом Г. Малера, экспрессивной эксцентрикой входящего в моду Р. Штрауса.

Бездетное, но довольное жизнью семейство Бёме проводит летние отпуска в поездках по России и вояжах по Германии. Даже там корнетист-трубач музицирует в курортных оркестрах. Он жадно всеяден в работе – яркая музыкальная декорация и романтика творчества эффектно заслоняют реальную жизнь с русско-японской войной, Кровавым воскресеньем, социальным брожением и политическим террором. Приметы великого разлома времён становятся всё отчётливее...

«Земную жизнь пройдя наполовину, я очутился в сумрачном лесу...» В какой момент фразой великого Данте можно сделать отметину на бёмовском пути? Первый удар судьбы - скоропостижная смерть любимой супруги – внезапно настигает его осенью 1909 г. Ничто не предвещало несчастья – Александра не жаловалась на здоровье, скорее, его самого всё чаще беспокоили проблемы с сердцем. Всего лишь год назад они переехали в просторную квартиру в изысканный особняк графа Левашова на наб. Фонтанки 18, и так хотелось наслаждаться статусной жизнью, финансовой состоятельностью.

Набережная реки Фонтанки, дом 18.
Из архива Л.Попковой

Следующий грозный сигнал к нисхождению по дантовым кругам даёт Первая мировая: разгромленное здание германского посольства с

низверженными Диоскурами и утопленным в Мойке немецким гербом предвещает «охоту на ведьм». Но русский гражданин с немецким именем Бёме не хочет замечать очевидного. Инерция прошлой жизни притупляет чувство опасности. Его греет полученное недавно

Дом на Васильевском острове, 13 линия, 10.
Из архива Л.Попковой

звание «почётного гражданина Петербурга» с правом передачи по наследству. Не менее приятно внесённое в паспорт повышение в табели о рангах - солист-художник 1 класса. Корнетист по-прежнему «на оркестровом коне», но его бытийный мир невероятно сужается: в симпатичном особнячке на 13 линии Васильевского острова 10 он обустроивает свою «башню из слоновой кости».

Трамвай через николаевский мост переносит его в суетный мир театра, как-то существующего до 1918 года во взрывчатой атмосфере анархии и революционных катастроф. Но с приходом к власти большевиков пружина нисходящих событий раскручивается стремительно, с плачевными последствиями для «почётного гражданина».

Двадцатилетняя «Одиссея» О. Бёме после Октябрьского переворота была невероятно многотрудной и скорбной: в наивной попытке «оказаться лояльным» к власти и не заголодать он записывается добровольцем-музыкантом в Красную армию (Петроградский военный округ). После закрытия Мариинского театра в 1921 г. оказывается безработным. Спасительными оказываются педагогическая служба в Народной музыкальной школе и Музыкальном техникуме на Васильевском острове. Аполитичный трубач даже становится членом профсоюза работников искусств.

Бёме не гнушается никакой работой, «подхалтуривая» в агитационных и парадных действиях большевиков, дирижируя сборными духовыми коллективами. Невероятная удача в мраке тридцатых годов - работа в созданном Ю. Шапориним небольшом оркестре Ленинградского Большого драматического театра. Даже в оренбургской ссылке таланту Бёме находится профессиональное применение – он руководит инструментальным ансамблем в кинотеатре «Октябрь» и преподаёт в Музыкальном техникуме.

«Изгнание из рая» происходило постепенно, а потому отупляюще-мучительно, особенно в пору старения, голода, холода и воинствующей бездуховности. Символичным стал последний переезд Бёме на 3 линию

Дом на Васильевском острове, 3 линия, 26.
Из архива Л.Попковой

Васильевского острова в дом 26.

Тесная тёмная комната в первом этаже с крысами и шумом мастерового двора кажется глумливой пародией, но Бёме не ропщет. Странно, вопрос о возможном отъезде он даже не рассматривал всерьёз. Если воспользоваться жёсткой классификацией из страшного петербургского дневника Зинаиды Гиппиус в триаде «приспособившиеся», «сдавшиеся» и «склонившиеся» он явно из последних, из тех, что «с великим страданием, со стиснутыми зубами несли чугунный крест жизни» (З.Гиппиус). И ответить почему вряд ли удастся. Страшная летаргия по принципу «могло быть и хуже» неуклонно вела Бёме с его корнетом в далёкую оренбургскую ссылку.

Набережная реки Фонтанки, дом 18.
Из архива Л.Попковой

Но если его пролетарский быт был «аналогом жизни», то в работе и творчестве даже в эти «испепеляющие годы» Бёме неуклонно следовал девизу («Доблестью и честностью»), украшающему фасад его дома на Фонтанке из прошлой жизни.

Всюду, где он побывал с инструментом, осталась добрая память, вытравить которую не смогли даже органы НКВД. В самые мрачные времена, когда страшный слоган вождя «жить стало лучше, жить стало веселее» обозначил смертельный канкан с окаянной властью, музыкант из последних сил сохранял в себе внутренний свет и веру.

Жизнь немецкой диаспоры Петербурга невозможно представить без Петрикирхе. В музыкантской и человеческой судьбе Оскара Бёме лютеранская церковь связана с самыми разными эмоциями. Ностальгические воспоминания о богослужебном пении (в том числе его собственных сочинений), радость плодотворных репетиций с мужским хором «Арион», эйфория дореволюционных концертных триумфов с женским хором «Гармония», иллюзорные блики надежд на будущее, вызванные возродившимся в короткую оттепель НЭПа «Немецким музыкальным обществом». Но та же Петрикирхе в трагических тонах мрачной фантазмагии предстанет в массивной антифреске шпионажа и контрреволюционной деятельности, грубо намалёванной НКВД в пресловутом «деле Бёме».

Оскар Бёме, 1938 г. Фото
предоставлено К. Нефом

В первый раз ОГПУ уводит Бёме с 3 линии Васильевского острова в августе 1930 года. С подпиской о невыезде ему удастся «выйти сухим из воды», в которой с годами становится всё больше крови. Второй арест в апреле 1935 года заканчивается трёхлетней ссылкой в Оренбург. Инквизиторская 58 статья позволяла изощрённо варьировать приговоры жертвам сообразно необходимости и прихоти палачей. «Дело

Бёме» стартовало с «пособничества международной буржуазии» и «пропаганды против советского строя».

После убийства Кирова показательные процессы охватили всю страну. Репрессивная сталинская машина во всю свою жестокую мощь развернулась во времена «ежовщины» - исчезали люди, народы, национальности... По окончании срока ссылки в июне 1938 года Оскар Бёме был вновь арестован в Оренбурге, но уже за «членство в фашистской организации», «шпионаж в пользу германской разведки и подготовку диверсионных актов». Топорно сфабрикованное дело без должного следствия и суда рассматривалось трибуналом-«Тройкой» (мл. лейтенант Биршевой, лейтенант Жиклин, лейтенант Троельников).

Не в силах сопротивляться пыткам старый музыкант с изношенным здоровьем и подавленной психикой „ломается“, подписываясь под всеми абсурдными обвинениями.

3.10.1938 г. он приговаривается к расстрелу, карательное действие совершается в тот же день. Место захоронения петербургского трубача с немецкими корнями неизвестно, а посмертная реабилитация последовала лишь 18.01.1989 года.

Оренбург, кинотеатр «Октябрь», старая открытка

Источник: photogoroda.com

«Жизнь без музыки была бы ошибкой» - считал гениальный безумец Фридрих Ницше. Всё произошедшее с Оскаром Бёме подтверждает упомянутую истину. Замечательное творчество этого романтика переживает в последние десятилетия свой ренессанс: музыка Бёме находит вдохновенных интерпретаторов - особо отмечу вклад династии трубачей Зоммерхальдеров. А жизнь и судьба «очарованного корнетом странника» достойно воссозданы в недавно вышедшей прекрасной книге немецкого журналиста и писателя Кристиана Неефа. Фактический материал из неё послужил основой этой статьи.

Нельзя дышать, и твердь кишит червями,
И ни одна звезда не говорит,
Но, видит Бог, есть музыка над нами, -
Дрожит вокзал от пенья аонид¹.

(О.Э. Мандельштам, сгинувший в ГУЛАГе в том же 1938 году)

¹ Аониды – музы искусства в древнегреческой мифологии.